

Копенгагенская операция советской разведки

Полтора года назад ВИАТ опубликовал подборку материалов о советском атомном проекте [1]. Это были документы, рассекреченные службой внешней разведки и рассказывавшие о ее вкладе в создание советской атомной бомбы. Материалы же, отражающие работу других участников атомного проекта — физиков и инженеров, вохровцев и зеков, — все еще лежат в засекреченных архивах. И пока они остаются недоступными, мы будем особенно высоко ценить каждый новый документ, каждое новое свидетельство непосредственных участников событий.

Публикуемые ниже воспоминания Якова Петровича Терлецкого описывают весьма любопытный эпизод из интересующей нас истории — попытку госбезопасности СССР получить секретные сведения об американской бомбе от самого знаменитого после Эйнштейна физика XX века, датчанина Нильса Бора. Правда, этот документ вряд ли укрепит широко распространенную версию о блестяще организованной работе советской разведки, поскольку повествует о довольно топорной операции. Прибывший к Бору в Копенгаген Терлецкий был хорошим физиком и пользовался доверием органов. Но он не был специалистом по ядерной физике, лично Бору известен не был, нуждался в услугах переводчика и всего-то, что смог, — неловко произнести заученный наизусть вопросник. Хотя операция вряд ли сильно способствовала созданию советской бомбы, воспоминания Терлецкого представляют собой важный источник по истории атомной проблемы, поскольку содержат картинки нравов и быта организованной Берией военно-ученой машины, которых не восстановит по официальным документам. Отметим хотя бы описанные Терлецким сложные процедуры работы с данными разведки и дозирования распространяемой по иерархической структуре информации. Доступ к ней был ограничен даже для И. В. Курчатова, не говоря уж о его подчиненных. При такой степени секретности совершенно не приходится удивляться, что работавшие в изоляции друг от друга участники событий придерживаются зачастую полярных взглядов на то, как разворачивались события.

Вряд ли можно отрицать, что в основе воспоминаний лежат реальные факты. Хотя устный фольклор советских физиков, кажется, не сохранил рассказов о копенгагенской миссии Терлецкого, но о его связях с органами госбезопасности в принципе было известно. В архиве Бора в Копенгагене хранятся как рекомендательное письмо Капицы, так и записка Терлецкого с просьбой о приеме и ответные письмо и записка Бора [2].

Яков Петрович Терлецкий. Фото 1945 г.

Присутствовавший при интервью-допросе сын Бора Оге также подтвердил факт встречи [3]. У нас, историки науки, интервьюировавших Якова Петровича незадолго до его смерти по поводу различных событий в истории советской физики [4], он вызвал уважение как стремящийся к объективности и достаточно критичный респондент. Правда, его оценочные суждения, в особенности о коллегах-физиках, в ряде случаев резко расходятся с общепринятыми, поскольку официальную историю всегда пишут «победители», а к ним Терлецкий не принадлежал. Мы также не согласны с некоторыми его высказываниями и несколько раз отметили это в комментариях к тексту. Чтобы читателю легче было понять позицию автора воспоминаний, мы должны объяснить некоторые факты его биографии.

Яков Петрович Терлецкий (1912—1993) окончил в 1936 г. курс, а в 1939 г. аспирантуру физического факультета МГУ, учась у Л. И. Мандельштама, И. Е. Тамма и М. А. Леонтовича. После войны он разошелся

со своими учителями по причинам не столько научным, сколько административно-политическим [5]. Терлецкий искренне разделял общественные идеалы своего времени и до конца жизни сохранил верность диалектическому материализму. Как и многие представители молодого поколения, сформировавшегося в условиях построенного социализма, он был более партийно ортодоксален, чем его обладавшие большим жизненным опытом учителя. Впрочем, более важную роль сыграли конфликты внутри физического факультета, после войны выросшие в открытое противостояние физиков Московского университета физикам Академии наук СССР. В этой борьбе Терлецкий выступал в большинстве случаев на стороне университетской партии, которая в конечном итоге осталась в проигрыше, и ее представителям пришлось довольствоваться второстепенными ролями в физическом сообществе и выступать в роли «недооцененных». Терлецкий, хотя и был удостоен в 1951 г. Сталинской (за работы по теории бетатрона и космических лучей), а в 1972 г. — Ленинской (за вклад в разработку метода магнитной кумуляции) премий, с 60-х гг. и до конца жизни возглавлял не слишком престижную кафедру теоретической физики Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва) [6].

Групповые пристрастия участников данного противостояния довольно сильно влияли на их оценочные суждения о коллегам-физиках. В частности, у Терлецкого они проявились в весьма критическом отношении к Ландау и Курчатову, что звучит резким диссонансом принятому в советской историографии апологетическому тону (ср., напр.: [7]). Профессиональная честность требует от нас дать возможность высказаться и выслушать все стороны. Можно предположить, что именно принадлежность Терлецкого к Московскому университету сыграла роль в его назначении на должность куратора переводов разведывательной информации по атомной бомбе. Берия, как и другие руководители сталинского закала, поощрял и прагматически использовал конфликты между подчиненными, в том числе и между учеными. Он не слишком доверял Курчатову и его команде и, вероятно, хотел иметь под рукой независимого от них специалиста-физика. Для истории науки это обернулось тем преимуществом, что теперь мы можем познакомиться с неортодоксальным взглядом человека, попавшего в центр событий, но смотрящего как бы со стороны и на нравы в органах госбезопасности, и на физиков-ядерщиков.

Другой герой описываемых событий — Нильс Бор — не нуждается в представлении, поскольку его решающая роль в развитии квантовой физики общеизвестна. Ко времени Второй мировой войны он уже был патриархом теоретической физики, и американские и советские теоретики относились к нему с огромным пиететом, помноженным к тому же на общий «комплекс неполноценности» перед европейской физикой. В 1943 г. Бор бежал из оккупированной Дании и участвовал затем в работах по американскому атомному проекту, но определяющей роли здесь не играл [8]. Вероятно, он даже не был посвящен во многие технические детали, так что ожидания советской стороны получить от него самую секретную информацию были сильно завышены. Благодаря своему авторитету, Бор пытался влиять на политику в атомной области. Он хотел, чтобы вместо секретности и конкуренции в создании смертельного оружия, союзники договорились об открытости информации, в том числе военно-промышленной, и одновременно — о международной системе контроля и безопасности в области ядерных вооружений [9]. Такая позиция не нравилась западным лидерам, но от этого еще довольно далеко до роли Клауса Фукса. Контакты с советской разведкой, вероятно, были для Бора частью его политической игры, стремлением посредничать в конфликте, а не принимать чью-то сторону в нем.

В то время, когда авторы уже получили корректуру данного материала, вышли в свет воспоминания еще одного участника описанной истории — генерала-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова [10]. Сделанные им сенсационные обвинения в адрес крупнейших физиков — Роберта Оппенгеймера, Энрико Ферми, Лео Сциларда, Нильса Бора — в том, будто они помогали агентам советской разведки, вызвали оживленную и по большей части недоверчивую реакцию в российской и западной прессе. Мемуары, написанные Судоплатовым в преклонном возрасте при помощи московских корреспондентов журнала *Time*, представляют собой смесь достоверности с ошибками и домыслами, рассчитанными на сенсацию, причем провести границы между ними довольно сложно. Мы сейчас не будем касаться отдельного запутанного вопроса об Оппенгеймере, а рассмотрим лишь в качестве примера ситуацию с Нильсом Бором. Здесь, благодаря наличию дополнительного независимого источника — воспоминаний Терлецкого, — с большей определенностью можно отделить вымысел от реальности и оценить, насколько вообще стоит доверять свидетельствам П. А. Судоплатова.

По его словам, «решающий момент в советском ядерном проекте наступил в апреле—мае 1946 г. Первый советский ядерный реактор был построен, но все попытки запустить его оканчивались неудачей, и даже произошла авария с плутонием. Как справиться с этой проблемой? Была идея, оказавшаяся нереальной, послать научную делегацию в США, чтобы секретно встретиться с Оппенгеймером, Ферми и Сцилардом. Другим способом борьбы с упрямым реактором было послать кого-нибудь в Данию к Нильсу Бору.

Мы решили, что один из наших сотрудников, Яков Терлецкий, физик, который обрабатывал и редактировал всю научную информацию, поступавшую по разведывательным каналам, должен поехать в Копенгаген в роли молодого советского ученого, участвующего в проекте. Он был наиболее знающим, после Курчатова, и смог бы не ударить в грязь лицом, разговаривая с Бором. Он должен был объяснить Бору наши проблемы с активированием ядерного реактора и спросить его совета. Терлецкого нельзя было отправлять одного на такое серьезное задание. С ним поехал Лев Василевский, который должен был вести основную беседу с Бором и предоставить Терлецкому разобраться с техническими деталями.

Я видел Терлецкого в 1993 г., незадолго до его смерти. Он вспоминал, что сначала Бор был очень взволнован, его руки дрожали, но потом он справился с эмоциями. Бор понял, вероятно, впервые, что его, Ферми, Оппенгеймера и Сциларда решение дать возможность своим доверенным научным протеже делиться атомными секретами, привело и его самого к контактам с агентами советского правительства. Бор официально известил советское посольство о том, что он готов встретиться с делегацией, но теперь он понял, что в ней помимо ученого был еще и офицер разведки.

Поэтому, после первого контакта с Василевским, Бор предпочел разговаривать только с сопровождающим его ученым — Терлецким. Другого варианта, кроме как послать на встречу к Бору только Терлецкого с переводчиком, не было. Терлецкий передал Бору благодарности от известных тому ученых из России за поддержку и консультации со стороны западных коллег. Бор с готовностью объяснил проблемы, которые Ферми решал в Университете Чикаго при запуске первого ядерного реактора, а также сделал важные замечания, которые позволили нам преодолеть наши затруднения. Бор указал на место на рисунке, который показал ему Терлецкий, и сказал: „Вот здесь кроется трудность“. Эта встреча оказалась очень важной для запуска советского реактора, что нам удалось совершить в декабре 1946 г.»

Очевидно, что версии Терлецкого и Судоплатова совпадают в том, что касается факта самой поездки в Копенгаген и основных действующих лиц. В целом можно верить информации Судоплатова о тех, с кем он был связан непосредственно — подчиненных и прямых агентах. Возможно, верно также то, что Бор не захотел, чтобы во встрече принимал участие Василевский (Терлецкий упоминает о задержках и трудностях при организации его визита в институт Бора). Дату визита, как и ряд других дат в своей книге, Судоплатов называет по памяти и неточно. Поездка состоялась не весной 1946 г., а в ноябре 1945 г. Объявленная им цель операции совершенно мифическая: не только в 1945 г., но и весной 1946 г. не могло быть и речи о затруднениях в пуске реактора, не говоря уж об аварии с плутонием. Все разработки находились на гораздо более ранней стадии. Здание, где потом шло строительство реактора было готово к июню 1946 г., до октября 1946 г. не было и половины нужного количества урана, проводились только предварительные измерения на уменьшенных моделях, а сборка началась в ноябре параллельно с тем, как продолжали поступать последние партии урана и графита [11]. Во всем, что касается научной стороны дела и результатов поездки, доверять Судоплатову не стоит, равно как не стоит полагаться на его компетенцию в физических и инженерных вопросах. Чтобы представить всю операцию как замечательно подготовленную, он дает непомерно завышенную оценку информированности Терлецкого, а чтобы подкрепить свои обвинения против Бора и других физиков, публицистически драматизирует саму встречу и такие детали, как «дрожащие руки Бора», ссылаясь на свидетельство Терлецкого и искажая его смысл.

В целом, воспоминания Я. П. Терлецкого представляются нам намного более добросовестными и достоверными. Интервью с Бором, несомненно, было, но результаты его для прогресса советского ядерного проекта оказались, скорее всего, незначительными. Кто в этом больше виноват, судить не нам. Но, конечно, любые воспоминания не сравнятся по точности с оригинальными документами того времени. Что именно узнали советские атомщики от Нильса Бора, станет ясно только после рассекречивания архивных документов о поездке Терлецкого. Хорошо, если этому хоть как-то поможет скандал, вызванный публикацией мемуаров П. А. Судоплатова.

Публикуемый документ представляет собой расшифровку записи на магнитофонной ленте, которая была продиктована Я. П. Терлецким. Текст был просмотрен и завизирован автором в 1993 г. незадолго до смерти, при этом были восстановлены в правильном виде все измененные при записи фамилии действующих лиц (с согласия ныне живущих). При составлении комментариев к тексту мы не стали пояснять все встречающиеся фамилии, конкретные события и даты (общий смысл в большинстве случаев вполне понятен из контекста), а ограничились пояснениями к местам и фразам, важным с точки зрения общей интерпретации.

Данная работа была выполнена при финансовой поддержке гранта «История советского атомного проекта» (РФФИ 93-06-10331) и программы устной истории Стэнфордского университета.

Список литературы

1. У истоков советского атомного проекта: роль разведки, 1941—1946 гг. (по материалам архива внешней разведки России) // ВИЕТ. 1992. № 3. С. 97—134.
2. Капица — Бору, 22.10.45 г.; Терлецкий — Бору, 13.11.45 г.; Бор — Терлецкому, 13.11.45 г.; Бор — Капице, 17.11.45 г.; Бор — Терлецкому, 17.11.45 г. // Niels Bohr Private Correspondence. Niels Bohr Archive. Copenhagen.
3. Письмо Ф. Озеруда, директора Архива Н. Бора, А. Б. Кожевникову, 22 февраля 1994 г.
4. Интервью А. Б. Кожевникова и А. В. Андреева с Я. П. Терлецким, 3 части. (1992—1993). «Устная история советского атомного проекта», собрание Г. Е. Горелика.
5. См., например, об этом в журнале Знамя. 1991. № 8. С. 228—233.
6. Теоретическая физика. Юбилейный сборник научных трудов, посвященный 80-летию профессора Я. П. Терлецкого. М., 1992; Памяти Якова Петровича Терлецкого // УФН. 1994. № 2. С. 235—237.
7. Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове. М., 1988; Головин И. Н. И. В. Курчатова. 2-е изд. М., 1973; Воспоминания о Л. Д. Ландау. М., 1988.
8. Rhodes R. The making of the atomic bomb. N. Y., 1986. P. 523—525; Pals A. Niels Bohr's Times in Physics, Philosophy and Polity. Oxford, 1991. P. 496—497.
9. См., например: Бор Н, Открытое письмо Организации Объединенных Наций (1950) // УФН. 1985. Т. 147. С. 357—369.
10. Pavel A. Sudoplatov and Anatoli P. Sudoplatov; Jerrold Schecter and Leona Schecter. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness. N. Y., 1994.
11. Жежерун И. Ф. Строительство и пуск первого в Советском Союзе атомного реактора. М, 1978. С. 98—106.

Я. П. ТЕРЛЕЦКИЙ

ОПЕРАЦИЯ «ДОПРОС НИЛЬСА БОРА»

Об этом знают немногие. Но надо ли еще хранить молчание? Ведь прошло уже почти тридцать лет, многое из того, что было величайшими секретами давно уже рассказано в статьях, книгах и мемуарах иностранных авторов. Многие явно или неявно подтверждено и в нашей прессе. Но кое-что замалчивается, и это помогает удерживать искаженное, преувеличенное представление об истинных научных заслугах некоторых деятелей, полагающих, что они вправе навязывать обществу свои взгляды. Здесь будет рассказано о подлинных событиях 1945 года.

Москва, 1973 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1945 году я был далек от проблемы атомной энергии. Будучи докторантом физфака МГУ, получившим Сталинскую стипендию, заканчивал диссертацию, посвященную основам статистической физики. Работал над диссертацией с увлечением, выкладываясь целиком и считая эти вопросы наиболее интересными, хотя знал, что проблема атомной энергии более важна, как для страны, так и для развития науки в данный момент.

О наших работах над проблемой атомной энергии мне кое-что было известно. Осенью 1943 г. меня пригласил к себе Курчатова. Его лаборатория находилась тогда в Пыжевском переулке¹. Игорь Васильевич, очень подвижный и обаятельный, выделяющийся своей бородой и веселыми живыми глазами, предложил мне работать у него. Проблему, над которой предполагалось работать, Курчатова разъяснил весьма туманно, так как по соображениям секретности не имел права посвящать меня в суть дела. Но мне, конечно, так же, как и большинству физиков, было известно, что Курчатова занимается проблемой извлечения атомной энергии

из урана. Слухи об этом ползли среди физиков уже более года. Несмотря на всю привлекательность работы над урановой проблемой, которую я вполне осознал, я все же не принял предложения Курчатова, сказав, что хотел бы сперва закончить докторскую диссертацию, для выполнения которой мне только что была присуждена Сталинская стипендия. Вместо себя я порекомендовал Василия Степановича Фурсова, находившегося тогда в действующей армии, так как Курчатов заметил, что может вызвать нужного физика даже с фронта. Месяца через два Василий Степанович Фурсов появился в Москве, прибыв прямо из-под Ржева, где готовилось наше наступление. Он поступил в распоряжение Игоря Васильевича и в дальнейшем работал на важных участках атомной проблемы, сперва в Москве, а затем в Кыштыме. В. С. Фурсов стал трижды лауреатом Сталинской премии и получил другие награды и почести².

Второй раз об атомной проблеме я узнал из газет. Седьмого августа 1945 г. сообщалось об атомной бомбе, сброшенной над Хиросимой, эквивалентной по силе взрыва двадцати тысячам тонн тринитротолуола. Стало ясно, что американцы сумели осуществить цепную реакцию деления ядер урана, чего нам, видимо, еще не удалось достигнуть. Это сообщение вызвало комплекс болезненных переживаний: «Американцы опередили нас и теперь будут диктовать нам свои условия». Наша блестящая победа над фашизмом во многом обесценивалась. Во всяком случае уже нельзя было мечтать о быстром освобождении от капитализма многих народов Европы и Азии.

В общих чертах, но не в деталях, механизм цепного расщепления урана казался мне в принципе понятным. Я даже принял предложение рассказать в одном воинском соединении о принципе работы атомной бомбы. Это выступление не состоялось по какой-то не зависящей от меня причине, а может быть я заболел — не помню... Однако большинство окружавших меня физиков совершенно не понимали сути дела. Один известный профессор — Сергей Николаевич Ржевкин, — который вместе со мной в библиотеке физфака впервые прочитал сообщение о взрыве атомной бомбы над Хиросимой, с улыбкой, обратившись ко мне, сказал, что это, по-видимому, какая-то дезинформация. На что я тут же ему ответил, что нет, это чистейшая правда, означающая, что нас опередили. Август и почти весь сентябрь 1945 года прошли в тяжелых раздумьях, стало ясно, что наша наука отстала, Курчатов еще ничего не сделал, да и мог ли он что-то сделать, ориентируясь главным образом на узкую группу ленинградских физиков, в основном из школы Иоффе³. Крупнейшие московские физики не привлекались к атомной проблеме, да и вообще умонастроение большинства советских физиков было не в пользу исследований атомного ядра. В начале войны все работы по исследованию атомного ядра были практически приостановлены по инициативе самих физиков. Все бросились на акустические, радиолокационные и другие непосредственно с военной техникой того времени связанные проблемы. Стремилась быстро помочь обнаруживать и сбивать вражеские самолеты, защищать корабли от мин, усовершенствовать различное оружие и тому подобное. Лаборатория Скобелевщина и Векслера в ФИАНе почти целиком переключилась на электроакустику. В. Л. Гинзбург на Общем собрании сотрудников Академии наук, находившейся тогда в эвакуации в Казани, заявил, что наконец-то мы покончили с бесполезными проблемами атомного ядра и переключились на актуальные проблемы электроакустики и радиотехники. Таким образом, причину отставания можно было видеть в общей идейной несамостоятельности нашей физики, которая под руководством таких корифеев, как Иоффе и Капица, двигалась в основном по проторенным путям, повторяя американские и западноевропейские достижения, игнорируя развитие собственных оригинальных научных направлений.

Поползли слухи о привлечении новых ученых в атомную проблему, наконец стали говорить о том, что во главе атомной проблемы поставлен член Политбюро Л. П. Берия. Это вселило надежду, что наконец ЦК наведет в науке порядок, поставит у ее руководства наиболее талантливых и передовых, преданных Родине ученых⁴.

Такова вкратце предыстория моего включения в атомную проблему. С такими мыслями и настроениями я пошел на Лубянку, куда был вызван, как мне сказали, по указанию Л. П. Берии. Это было 24 сентября 1945 года. События последующих двух месяцев, коренным образом изменившие весь мой жизненный путь, были зафиксированы мной в виде кратких заметок в записной книжке. Я изложил их в форме дневника, представляющего собой расшифровку этих записок, снабженную комментариями и некоторыми размышлениями. Поскольку многое здесь будет освещено совсем не так, как это известно в многочисленных историко-научных произведениях об атомной проблеме в СССР, появившихся после книги И. Н. Головина о Курчатове (вышедшей в 1967 г.), постольку факты будут излагаться со всей тщательностью, какая возможна на основании лишь кратких дневниковых записей и связанных с ними воспоминаний. Должно настать время, когда некоторые тщательно скрываемые, но крайне важные для правильного понимания пути развития нашей науки факты станут достоянием научной общественности. Предлагаемый мною дневник лишь слегка приоткроет завесу, убрать которую так невыгодно многим абсолютным научным авторитетам.

24 сентября 1945 года

Меня вызвали на Лубянку. Вызов в НКВД обычно ассоциировался с неожиданными неприятностями, однако сейчас, зная, что Берия поставлен во главе атомной проблемы, я не сомневался в том, что речь будет идти о возможной работе в этом направлении. На пропуске было указано: «К товарищу Судоплатову»⁵. В приемной генерала Судоплатова сказали, что меня хочет видеть нарком Берия и было предложено подождать. Здесь же находился А. Рылов, на год раньше меня окончивший физфак МГУ.

Но встреча с Л. П. Берией не состоялась. После не слишком продолжительного ожидания нам, мне и Рылову, было сказано, что сейчас Лаврентий Павлович занят и что нас пригласят в другой раз. Попросили никуда не уезжать. Ясно, что подбираются новые кадры для атомной проблемы.

25 сентября

Второй вызов в приемную Судоплатова. На этот раз там находился не только Рылов, но и доцент физфака Ф. А. Королев. Нас стали поодиночке вызывать в кабинет Судоплатова. Первым был вызван Королев. Через некоторое время он вышел крайне возбужденный и сказал нам, что он высказал свое откровенное мнение о наших руководящих физиках и что его за это назвали нигилистом⁶.

Настала моя очередь. В кабинете кроме Судоплатова находились еще несколько генералов и людей в штатском. Судоплатов предложил генералу Махневу вести собеседование. Сперва был задан общий вопрос: что мне известно об атомной энергии. После моего не очень пространного ответа было задано несколько общих вопросов биографического порядка. Затем генерал Махнев спросил:

— Не хотите ли Вы у нас работать?

Слова «у нас» я тогда понял весьма широко, полагая, что речь идет о работе над проблемой атомной энергии и ответил, что в свое время Курчатова уже предлагал мне у него работать, но тогда я по

Павел Анатольевич Судоплатов

ряду причин отказался, но сейчас считаю долгом каждого ученого-физика помочь нашей стране.

Снисходительная улыбка генерала Судоплатова не была тогда мною понята. Я неправильно понял заданный вопрос, но мне не стали разъяснять ошибку. Я лишь добавил, что хотел бы включиться в новую для меня область после защиты докторской диссертации, которая назначена на 10 октября, и кроме того не хотел бы порывать с Московским университетом. В заключение Судоплатов сказал, что о моем согласии будет доложено Берии, и отпустил, заметив, что о дальнейшем мне сообщат позже.

26 сентября

На этот раз я был вызван в кабинет генерала Судоплатова вместе с А. Рыловым. Нам было объявлено, что по указанию Л. П. Берии мы назначаемся заместителями начальника Отдела С НКВД по научной части. Начальником отдела назначен генерал-лейтенант Судоплатов, а его оперативными заместителями генерал Н. С. Сазыкин и полковник Василевский, которые и являются нашими прямыми начальниками. Я был ошарашен, так как только теперь понял, что это будет не научная работа, а работа в органах. Когда же, будучи подавлен этим ответом, я сказал, что не хочу и не могу порывать с научной работой, Судоплатов успокоил, сообщив, что мне разрешено продолжать работать в МГУ в той же должности, а о работе в НКВД лучше вообще не упоминать. Или говорить, что по совместительству работаю в Совнаркоме СССР. Тут же нам было объявлено о тех благах, которыми нас осыпали в связи с этим назначением: были обещаны квартиры, были назначены большие по тому времени оклады и специальное литерное снабжение, значительно превосходящее снабжение ученых МГУ. Кроме того, на двоих была выделена персональная автомашина. Что же касается защиты докторской диссертации, то мне было разрешено до дня защиты не приступать к работе.

В заключение была дана анкета, которую я должен был заполнить в присутствии генерала Сазыкина. Это была обычная большая анкета отдела кадров. Фактически это был некоторый психологический тест, так как Сазыкин особенно пристально вглядывался в мое лицо, когда я заполнял некоторые вопросы, например, вопрос о браке, — сколько раз был женат, — или вопрос об участии в оппозиции. Когда я ответил на эти вопросы, дальнейшее заполнение анкеты не понадобилось, я был отпущен домой. Несмотря на кажущуюся примитивность, такой способ опросов для выяснения истины оказался эффективным. Так, как я это узнал впоследствии, оказалось, что, проходя подобную процедуру один доцент МГУ, которого так же, как и меня, вызвали к Судоплатову, не выдержал и сознался, что он скрыл от партии свое участие в троцкистской оппозиции. Это был доцент Карасев. Естественно, он не был зачислен в Отдел С и тут же пришел с повинной в партком МГУ. Дело его разбиралось и он получил строгий выговор. Через много лет, во времена Хрущева, он сумел этот выговор выгодно для себя использовать: представил все дело так, что, якобы, получил выговор лишь за сокрытие от организации факта критических высказываний в адрес Сталина. Это помогло ему занять руководящую должность в общественных организациях МГУ и, как говорится, сделать карьеру.

С тяжелым чувством я шел домой. Несмотря на невероятные блага, неожиданно посыпавшиеся после голодных военных лет, я чувствовал, что не в ту сторону пошла моя деятельность, что я буду лишь при науке и что есть опасность отойти от нее. Лишь сознание необходимости для страны и такой деятельности и надежда на ее временный характер вселяли некоторый оптимизм*.

* Уйти от этой деятельности мне удалось лишь в 1950 году. Для этого мне пришлось пойти на крайнюю меру — обратиться с письмом к самому Сталину. Моя просьба была удовлетворена и я был спасен как ученый.

27 сентября

В курс моих обязанностей меня вводил полковник Василевский, к которому был выписан пропуск на этот день. Он прежде всего посвятил меня в общие научно-технические вопросы атомной проблемы, которая условно называлась «Проблема № 1». Многие для меня были новым: урановые котлы для производства плутония, да и сам плутоний, были мне, как и большинству физиков, до сих пор неизвестны. Весь рассказ Василевского, однако, представлял собой краткое изложение какого-то обзора, составленного физиками. Когда я пытался спрашивать о некоторых непонятных деталях, Василевский хмурился и дословно повторял то, что уже рассказывал. Он явно был недоволен тем, что я сразу понял поверхностность его познаний в области физики. Единственное, что он красочно и увлекательно смог описать, это перспективы и будущее атомной энергии. Будущее же наше — ученых-физиков, разрабатывавших «Проблему № 1», — изображалось им в сиянии золотых звезд Героев Советского Союза, которые они получают. Моя же и Рылова роль сводилась к обработке и помощи в переводе с английского имеющих у них материалов разведки. Что это означало более конкретно, я узнал через две недели, когда приступил к работе после защиты диссертации. Василевский также весьма красочно рассказал о взрывах атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Он сказал, что нам, возможно, придется когда-то туда поехать, посмотреть на месте, что это значит. Вообще у Василевского был несомненный дар журналиста.

29 сентября

В этот день мне был выдан пропуск в здание на Лубянке. По нему можно было входить в любое время через любой подъезд здания, кроме наркомовского, выходившего на площадь Дзержинского. Я реально ощутил, что стал — кто бы мог подумать! — сотрудником НКВД...

1 октября

Василевский выдал мне карточки «литер Б» на получение в закрытом распределителе продуктов и промтоваров, а также пропуск в столовую, находившуюся на первом этаже того же здания. Это снабжение оказалось качественно и количественно значительно превышающим снабжение научных работников, которое я до этого имел и которое, в свою очередь, было гораздо лучше, чем снабжение остального населения. Затем Василевский начал конкретный разговор о квартире. Сперва предложил однокомнатную квартиру. Все это, конечно, было лучше, чем комната в общежитии на Спиридоновке, в которой мы с женой и сыном тогда жили. Я сказал, что под квартирой я понимаю трехкомнатную отдельную квартиру и до этого лучше не поднимать вопрос о квартире. В конце концов, меня убедили согласиться на две комнаты в трехкомнатной квартире с обещанием в дальнейшем дать отдельную квартиру. Мое согласие было, конечно, роковой ошибкой, так как больше никогда уже не было такой «пожарной» ситуации, когда позарез нужен был свой ученый. Через год в третью комнату вселили большую семью майора НКВД и пришлось узнать все прелести общей квартиры. Сколько же это оторвало времени и сил от нормальной научной деятельности. Только в 1951 году, после ухода с работы из органов, я получил отдельную двухкомнатную квартиру от Министерства высшего образования как лауреат Сталинской премии, присужденной в том же году. Только здесь были получены минимальные условия для работы физика-теоретика.

10 октября

В соответствии с договоренностью с Судоплатовым прошедшие девять дней я посвятил исключительно подготовке защиты докторской диссертации. Защита состоялась 10 октября в Большой физической аудитории в здании на Моховой при большом стечении народа. Тема диссертации «Динамические и статистические законы физики» привлекла многих философов, некоторые (Фридман) выступали с критическими замечаниями и защита проходила нетривиально, однако голосо-

вание было прекрасным. Но это был лишь первый этап. Гораздо труднее прошло утверждение в Высшей Аттестационной Комиссии. Но для этого были свои причины, скорее политического, чем научного характера: сильная группировка ученых решила не пускать меня в большую науку и было сделано все возможное, чтобы задержать мой научный рост⁸.

11 октября

Это был первый день работы в Отделе С. Мне был выделен отдельный рабочий кабинет. Полковник, занимавший этот кабинет, освободил его по распоряжению Судоплатова, но был поражен, увидев меня, непредставительного вида молодого человека. Он, по-видимому, не таким представлял себе «профессора», для которого его заставили поменять свои апартаменты. Затем ко мне начали приходить сотрудники Отдела С на консультации. Это были переводчики, как правило, не знавшие физики. Но редакторами-переводчиками оказались окончившие физфак МГУ Кольченко и Каменецкий. Однако они приносили английские тексты, мало понятные даже физикам, так как относились к экспериментам и теоретическим расчетам, неизвестным еще широким кругам физиков. Это была тематика проблемы атомной энергии и атомной бомбы. Сами же тексты представляли собой фотокопии напечатанных на машинке научных отчетов, в начале каждого отчета стоял стандартный штамп американских органов госбезопасности, предупреждавший о секретности отчета и об ответственности за разглашение содержащихся в нем сведений, как за шпионаж. Судоплатовым я был предупрежден, что интересоваться происхождением этих отчетов не следует, а также не следует проявлять интерес к тому, как и кем эти отчеты скопированы и переданы. Фамилии авторов отчетов были стерты, их не полагалось переводить, если случайно где-либо они попадались в тексте. В задачу Отдела С входил перевод этих отчетов на русский язык, а в мою и Рылова задачу — консультации по их переводу, общее редактирование и составление кратких аннотаций для доклада на Научно-техническом совете по «Проблеме № 1» (НТО). Как я узнал в дальнейшем, в сейфах Отдела С находилось около 10000 страниц этих, в основном американских, секретных отчетов (были и английские материалы). В них излагалось содержание основных экспериментов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, описание различных типов урановых котлов, описание диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и тому подобное. *Однако обо всем этом я узнал позже.* Сперва же многое было непонятно из тех материалов, которые мне первоначально показывали. Приходилось интенсивно расширять свой кругозор в области теории атомного ядра, которым я раньше не занимался. Особенно много непонятного мне было в материалах по урановым котлам. В них описывался процесс образования плутония, о котором физикам, не связанным с атомным проектом, еще ничего не было известно. Нам с Рыловым было поручено подготовить переводные материалы для их представления в НТС. Надо было подготовить краткое изложение содержания отчетов, чтобы доложить это на собрании.

15 октября

В этот день вечером мы должны были доложить о переведенных материалах Отдела С на НТС. В Отделе все очень волновались, а мы с Рыловым особенно. Судоплатов и Василевский строго предупредили, что докладываемые материалы являются сверхсекретными и никому нельзя давать каких-либо намеков на их происхождение. А докладываться они будут как «материалы бюро № 2», так зашифровывалось название нашего Отдела С. При этом нельзя было упоминать, что бюро № 2 находится в системе НКВД, а надо было считать его находящимся в системе Совнаркома.

Поздно вечером подготовленные нами материалы были запечатаны в портфель, который в сопровождении капитана Н. Ф. Земскова вынесли из здания, и мы направились к стоявшей у подъезда машине. Николай Федорович сел за мной, держа в кармане пальто поставленный на боевой взвод бельгийский пистолет

«Вальтер». Машина была очень шикарной, возможно, что принадлежала самому наркому или его заместителю. Но ехать надо было не очень далеко. Не более трети километра. Около одного из зданий на улице Кирова мы остановились, вошли в парадное, сказали дежурному вооруженному охраннику свои фамилии и, поднявшись на лифте, вошли в приемную наркома Бориса Львовича Ванникова⁹.

На заседании присутствовали академик Курчатов и член-корреспондент Академии наук Юлий Борисович Харитон, а также ряд неизвестных мне лиц. НКВД был представлен зам. наркома А. Т. Завенягиным, генералами Судоплатовым, Сазыкиным и полковником Василевским. Борис Львович объявил, что будут доложены материалы «Бюро № 2», тактично потушив возникшие недоуменные вопросы об этой организации. Я доложил подготовленные аннотации. После ряда вопросов по существу содержания наших материалов были вынесены рекомендации, кому их надо направить. На этом моя миссия окончилась.

Обратно мы ехали с Василевским. Он также имел наготове заряженный пистолет и жаловался, что он оттянул ему карман брюк во время заседания НТС. Пистолет был большой, системы ТТ.

Так в первый раз была реализована продукция Отдела С. В дальнейшем доклады на НТС проходили менее торжественно, не всегда ездили в приемную Ванникова на машине, но всегда в сопровождении вооруженного сотрудника. Для чего потребовалась такая процедура передачи материалов разведки непосредственно их потребителям через Отдел С, мне стало известно месяца через два.

Оказывается, после взрыва атомной бомбы в Хиросиме Сталин устроил грандиозный разнос, он впервые за время войны вышел из себя, стучал кулаками, топал ногами. Право, было от чего выйти из себя. Ведь рушилась мечта о распространении социалистической революции на всю Европу, мечта, казавшаяся столь близко осуществимой после капитуляции Германии и как бы перечеркнутая «нерадивостью» наших атомщиков во главе с Курчатовым. Видимо, отводя удар от себя, Курчатов пожаловался, что поступавшие в течение ряда лет материалы не очень доступны ученым, а лишь эти материалы позволили бы нам наверстать упущенное в начальный период войны и начать овладение атомной проблемой не с нуля¹⁰. Действительно, в целях сохранения тайны агентуры эти материалы показывались очень узкому кругу ученых, возможно даже только Курчатову, да и к тому же они были на английском языке, а наши ученые владели английским далеко не в совершенстве. Вот и был придуман Отдел С как посредник между агентурными материалами и руководящими атомной проблемой учеными. Создан он был в пожарном порядке, и следил за этим сам Сталин. Поэтому я и был молниеносно зачислен в сотрудники НКВД, так как был признан подходящим для выполнения обязанностей, так сказать, «своего» ученого, могущего квалифицированно доложить коллегам о научно-технических материалах разведки.

16 октября

В ознаменование успешной защиты докторской диссертации Судоплатов устроил у себя дома обед в мою честь. Он занимал шикарный особняк с большой гостиной на улице Мархлевского. Организацией обеда занимались некоторые сотрудники Отдела С: ездили за столовой посудой на дачу Судоплатова, доставали продукты, вина и тому подобное. Вечером в гостиной у Судоплатова собрались генерал Сазыкин с женой, полковник Василевский с женой, подполковник Иванов, Рылов (без жены, так как его семья еще не вернулась из эвакуации), жена Судоплатова с сыном лет десяти. Все было приготовлено на недостижимо высоком для тех времен уровне. Я и моя жена выглядели убого одетыми, жена почувствовала плохо скрываемую презрительность жеста Судоплатова, когда он двумя пальцами взял ее поношенное пальтишко, которое галантно помог ей снять. Целью обеда было не только ввести нас в свою среду, но и прощупать в более интимной обстановке наши склонности и характеры. Я это почувствовал с самого начала. Когда сели за стол, генерал Сазыкин торжественно преподнес нам ордер на две

комнаты в квартире дома НКВД. Потом были тосты, но все пили очень мало, почти ничего не пил Судоплатов.

Последующие три дня прошли в интенсивной работе над массой переводов, казалось, что в этом и будет состоять вся дальнейшая деятельность. Много непонятного, но интересно, и пока — сознание полезности. Однако ясно, что я мог бы быть использован более эффективно, принимая и разрабатывая дальше то, что содержалось в материалах разведки, а не просто редактируя их переводы.

Новое появилось начиная с ночи субботы 20 октября.

20 октября. Суббота

Поздно вечером, когда наша семья уже ложилась спать, за мною была прислана машина. Приехав на Лубянку, я узнал, что меня должен вызвать Берия. В ожидании вызова прошло часа два. Судоплатов спросил меня, знаю ли я Нильса Бора. Кто же из физиков не знал Бора! Из дальнейших намеков стало понятно, что предстоит встреча с Нильсом Бором. Однако Берия в эту ночь так нас и не принял. Меня отправили домой, предупредив, что я должен быть наготове и никуда не выезжать, даже в воскресенье. Куда же, однако, в то время я мог выехать?..

22 октября

Судоплатов объявил мне, что предстоит поездка в Копенгаген к Нильсу Бору. Я поеду с Василевским, будет организована встреча с Бором, во время которой надо выяснить ряд вопросов об американском атомном проекте. Бор недавно вернулся в Данию из США, он настроен против американцев и можно рассчитывать, что он поможет нам¹¹. Наши друзья из датского Сопротивления уже получили согласие Бора на встречу с советскими учеными. Для установления личного контакта с Нильсом Бором мне будут даны письменные рекомендации П. Л. Капицы, который хорошо знаком с Бором и его семьей¹². Тут же я был послан в Институт физических проблем на Калужскую.

Петр Леонидович принял меня сперва наедине, посоветовал задавать Бору не очень много вопросов, а просто представиться, передать письмо и подарки от Капицы, рассказать о советских физиках и Бор сам расскажет о многом, что нас интересует. Пока готовилось письмо на английском языке¹³, Капица пригласил Ландау. Капице принесли перепечатанное письмо и две палехские шкатулки. В присутствии Ландау Капица вручил мне их, объяснив, что я еду к Бору в Копенгаген. Для чего понадобилось информировать Ландау о моей поездке, показалось странным¹⁴. Ведь Капица, очевидно, был предупрежден о назначении моей деликатной миссии. Крайне же нежелательное расширение круга лиц, знающих об этом, не могло не показаться преднамеренным.

Передав Судоплатову по возвращении от Капицы его письмо и подарки Бору, я, конечно, рассказал в присутствии Василевского о том, что Капица проинформировал Ландау о нашей поездке. На это Василевский очень бурно прореагировал, сказав, что ехать с такими разведывательными заданиями в такой обстановке крайне рискованно и что он откровенно опасается нежелательного исхода операции. Судоплатов сказал лишь, что все это будет доложено Берии.

Вечером того же дня состоялось второе заседание НТС. Не помню уж, что и как на нем докладывалось, поскольку мысли были заняты столь сверхнеобыкновенным предприятием.

23 октября

День прошел в ожидании встречи с Берией, который должен был дать последние наставления. В этот день мной были заняты многие сотрудники Отдела. Прежде всего, надо было меня одеть, ведь моей одеждой были непрезентабельные обноски военного времени. Подобрать же готовый костюм оказалось непростым делом, так как я весил на несколько килограммов ниже довоенной нормы, а в особом магазине при НКВД, также как и в магазине для отъезжающих за гра-

ницу (был и такой тогда!), все было лишь на мужчин средней и повышенной упитанности. В конце концов меня одели в некотором сугубо закрытом ателье, видимо предназначенном для экипировки секретных агентов. Там нашелся мне и костюм, и все остальное, начиная с нижнего белья.

24 октября

Это был самый напряженный день за все время работы в Отделе С. После длительного ожидания у Судоплатова раздался звонок из приемной Берии, и мы пошли туда по длинной системе коридоров. Перед самым «предбанником», т. е. комнатой секретаря перед кабинетом, мы прошли через комнату, заполненную вооруженными офицерами, внимательно нас оглядывавшими. Затем последовало ожидание в предбаннике. Там, кроме представителей Отдела С — Судоплатова, Сазыкина, Василевского — были также Богдан Захарович и Амаяк Захарович Кобуловы, непосредственные помощники Берии. Богдан, двухсоткилограммовый яйцеподобный толстяк произвел отталкивающее впечатление, которое не вязалось с представлением о верном партии коммунисте, помощнике всесильного наркома. Время ожидания было заполнено анекдотами и рассказами о... «девочках». Богдан и Амаяк вспоминали Стокгольм, через который нам с Василевским предстояло ехать, и опять разговоры вращались вокруг стокгольмских «девочек». Там же я услышал, что бывший маршал Кулик, бежавший с фронта во время отступления и разжалованный Сталиным в генерал-майоры, ныне живет в доме правительства и каждый день достает новую «девочку». Сказано это было Богданом в порицательном плане, но с явной завистью. Таков был этот первый помощник и, как я в дальнейшем узнал, палач и садист, лично участвовавший в пытках заключенных. Да! Не так я представлял себе окружение главного блюстителя революционных законов...

Наконец нас всех пригласили в кабинет Берии. Когда мы вошли, Берия встал из-за письменного стола, стоявшего в глубине огромного кабинета, и подошел к большому столу заседаний, находившемуся в центре зала. Я был представлен наркому. Среднего роста, стареющий, со слегка сужающимся кверху черепом, с суровыми чертами лица, без тени теплоты или улыбки, Берия произвел не то впечатление, которого я ожидал, видя до этого его портреты (молодой, энергичный интеллигент в пенсне). Все сели за большой стол заседаний. В середине стола стояла большая пепельница из белого мрамора в виде белого медведя с рублиновыми глазами. Это был единственный предмет на длинном столе, на котором, естественно, останавливался глаз, но было видно, что этой пепельницей никто не пользовался по назначению. После нескольких вопросов ко мне, в основном биографического характера*, Берия перешел к предстоящей операции. Обращаясь ко мне и к Судоплатову, он спросил, как конкретно мы представляем себе задание. Что я буду спрашивать у Бора мне было совершенно неясно. Мало мог разъяснить и Судоплатов. Выяснилось также, что моего знания английского языка совершенно недостаточно для личной беседы с Бором, а Василевский знал лишь французский. Тут же было решено, что с нами поедет переводчиком Арутюнов, работавший переводчиком у А. И. Микояна и совсем недавно вернувшийся из длительной командировки в США. Было также решено, что задание, что же спрашивать у Бора, будет уточнено «учеными», которые дадут мне также необходимые консультации по атомной проблеме. Берия распорядился вызвать «ученых», а также генералов Ванникова и Завенягина. Примерно через тридцать-сорок минут все вызванные съехались, а время ожидания было занято вопросами Берии ко мне.

* Конечно, опять был задан вопрос о Японии, где я был с родителями в июне 1926 года в течение 10 дней во время стоянки парохода «Астрахань» в порту Хокодате. Этот вопрос мне неоднократно приходилось пояснять при всех заполнениях анкет и автобиографий. Берия поинтересовался, не знаю ли я японского языка.

— Знаете ли вы Курчатова? — спросил он.

— Конечно знаю. Это способный ученый, недавно избранный в Академию наук, — ответил я.

— Ну это ми его сделали академиком! — сказал, усмехаясь, Берия. — А что можно сказать о нем как об ученом?¹⁵

— Если Вас интересует мое мнение, то я считаю, что он действительно крупный ученый, — ответил я.

— Нэт, а что о нем думают и говорят?

— Говорят то же, что и я. Но вообще его мало знают.

— А что вы скажете об Арцимовиче?

— По работам он мало известен, но весьма самоуверен.

— Вы захитэ сказать, что он нэмножко нахал? Ха-ха-ха-ха! (общий сдержанный смех). Кого еще из ученых вы бы могли порекомендовать для работы над атомной проблемой? — спросил Берия.

— Хорошо я знаю лишь теоретиков, например Ландау, а также моего начальника по МГУ профессора Власова¹⁶.

— Вот, Власова, Власова надо посмотреть, Амаяк!

А. Кобулов кивнул головой. Однако в дальнейшем, когда выяснилось, что Власов в студенческие годы сидел в сумасшедшем доме, его кандидатура отпала и он так и не был привлечен к проблеме.

Тут начали съезжаться приглашенные. Первыми прибыли Ванников и Завенягин. Затем Кикоин, Харитон, Курчатов, кажется, последним прибыл Арцимович. Всем был задан вопрос, знают ли они Нильса Бора. Курчатов и остальные охарактеризовали Бора как крупнейшего теоретика, знатока атома и атомного ядра, затем Берия перешел к вопросу о моей поездке. Харитон заметил, что лучше было бы послать Зельдовича. «Он выведал бы у Бора все тонкости атомной проблемы», — сказал Харитон. Но Берия его оборвал, сказав: «Неизвестно, кто у кого больше выведает. Поедет тот, кто лучше подходит для данной миссии. Его надо только хорошо проконсультировать и составить вопросник».

Действительно, что у меня можно было выведать? Об атомной проблеме в СССР я имел лишь самое общее представление. Берия дал «ученым»* несколько часов для составления вопросника и для моего «просвещения». Курчатов, Харитон, Кикоин и Арцимович, собравшись в кабинете Судоплатова, составили список вопросов, затем их суть разъяснялась мне. Это была самая квалифицированная и самая насыщенная лекция, которую я когда-либо слышал. За час или полтора я узнал о свойствах изотопов урана, о трансурановых элементах (нептунии, плутонии), об атомных котлах, об атомной бомбе, многое я кратко законспектировал и разобрался в записях позже, уже в Дании. Но все основное было понято в течение этой лекции, прочитанной для меня четырьмя выдающимися руководителями атомной проблемы в СССР. Я был поражен знаниями наших «ученых» и только позже, по возвращении из Дании, когда вплотную познакомился с имевшимися материалами разведки, я понял, что все эти познания не столько плод собственных размышлений, сколько переложение всего того огромного запаса знаний, которые содержались в материалах, переданных нам иностранцами, верившими, что они не будут использованы во вред человечеству. Честь и хвала этим людям, имена которых до сих пор хранятся нас в тайне,

Вопросник был отпечатан, и все мы опять собрались в «предбаннике» у Берии. Между прочим, по пути в приемную Берии Юлий Борисович Харитон уговаривал меня не браться за эту миссию, говоря, что она сложна и опасна для ученого. В общем он оказался прав. Поездка к Бору не принесла мне лично никакой пользы и, по-видимому, даже была использована для компрометации моего име-

* Ставлю кавычки, так как этот термин применялся в кругах Берии именно по отношению к ученым-атомщикам.

ни в среде ученых. Но у Харитона, по-видимому, были тогда какие-то иные образы, может быть, желание порекомендовать своего человека. Но мог ли я тогда отказаться по своей инициативе?

В «предбаннике» опять ожидали довольно долго. Разбились на группы и вели беседы на разные темы. Ванников незаметно поучал меня, как найти главное в разведывательной миссии. Рассказал в моем присутствии случай из собственного опыта, как он узнал главное о какой-то новой немецкой пушке во время показа крупновского завода нашей официальной делегации: он сунул в дуло палец и по масляному отпечатку определил размер нарезки, а по ней калибр и все остальное самое главное в этом оружии.

Наконец опять мы в кабинете Берии. Курчатов зачитал список вопросов, были сделаны мелкие замечания, Берия отпустил всех, оставив лишь Судоплатова и нас — меня, Василевского, Арутюнова, — сказав последнему, что он уже договорился с Микояном, что берет Арутюнова для выполнения нужной ему, Берии, миссии. Заметив, что мы едем через Ленинград, Берия сказал: «В Ленинграде Жданов. Его посещать нэ надо»¹⁷.

Это замечание я понял как сомнения Берии, то есть НКВД, в благонадежности Жданова. Об этом я впоследствии долго помнил, считая, что нужно сомневаться в Жданове, пока наконец не понял, кто же такой на самом деле был Берия.

Последние конфиденциальные наставления были сделаны Василевскому. Он был отозван в сторону, и Берия с ним распрощался.

Виза в паспорте (первый мой заграничный паспорт был самого высокого ранга, дипломатическим, он был заготовлен и оформлен в течение двух дней; на нем стояла подпись зам. наркома Деканозова; так быстро заграничная поездка больше уже никогда мне не оформлялась) была получена и можно было выезжать. Итак, завтра на рассвете мы должны были лететь в Ленинград, затем поездом в Хельсинки, оттуда пароходом в Стокгольм, а затем в Копенгаген.

25 октября

На рассвете за мной заехал полковник Бочаров, и мы поехали на аэродром. Отлет самолета в Ленинград откладывался из-за тумана, и нам пришлось ждать. Василевский держал себя неприступно, важно в отношении к окружающим, грубо оборвал какого-то майора, ожидавшего вместе с нами самолет и попытавшегося включиться в наш разговор. «Я разве с Вами разговариваю?» — сказал ему Василевский. Это услышал какой-то ожидавший здесь генерал и, отчитав майора, приказал ему покинуть зал ожидания. Василевский был удовлетворен, он вообще презирал майоров. Наконец выяснилось, что самолет в этот день вообще не полетит, тогда решили ехать в Ленинград поездом вечером того же дня. В поезде мы заняли втроем отдельное купе. Лежащий Василевский всячески пытался вызвать меня на откровенность, спрашивал меня, какое впечатление осталось от встречи с Берией. Надо было, очевидно, сказать: «Прекрасное!» — или что-либо в этом роде, но я уклончиво сказал, что Берия оказался не таким, каким я его представлял до встречи.

Рано утром мы подъехали к Ленинграду. Кругом воронки от снарядов, пасмурно. Наконец Московский вокзал. Я не был в Ленинграде с 1928 года. Город выглядел очень уныло, и люди совсем не те. Нас встретила машина из местного НКВД и отвезла в гостиницу. В Хельсинки мы могли отправиться лишь поздно вечером, целый день можно было посвятить отдыху и осмотру Ленинграда, надо было побывать также у местного начальства НКВД. Особенно запомнилось посещение музея обороны Ленинграда, визит к начальнику НКВД и обед в привокзальном ресторане.

В музее обороны Ленинграда потрясающее впечатление произвел дневник Тани Савичевой, в котором записаны даты смерти всех ее родных и последняя запись: «Все умерли, осталась одна Таня».

В ресторане, где мы обедали не по карточкам, а по коммерческой цене, раз в десять дороже, чем по карточкам, я неожиданно встретил Шафигулина, с ко-

торым учился на физфаке, он оказался здесь в командировке. Мое тут же придуманное объяснение, почему я в Ленинграде, явно показалось ему неубедительным. Однако Шафигулин не мог, конечно, догадываться об истинном положении дел. Холодно с ним попрощавшись, я удалился с Василевским и Арутюновым. Впервые почувствовал сложность моего положения.

Визит к начальнику НКВД поразил лишь тем, что нас сразу провели в его кабинет и он (не помню его фамилию) был очень любезным и предупредительным, интересуясь, чем может нам помочь.

Поздно вечером мы прибыли на Финляндский вокзал, сели на поезд и отбыли в направлении Выборга.

27 октября

Едва начало рассветать, мы пересекли границу с Финляндией, поезд медленно миновал наш последний пограничный дозор — группу бойцов с автоматами, сидевших на земле, — и вот мы на финской земле, так недавно бывшей вражеской страной. До Хельсинки поезд шел довольно долго, в окнах мелькали озера, гранитные скалы, аккуратные домики — суровый, но такой привлекательный пейзаж. В вагоне-ресторане, куда мы пошли обедать, за соседним столиком сидела компания финских крестьян. Их лица, типичные лица финнов, как их изображали на карикатурах, к поясам подвешены финские ножи. В Хельсинки приехали только вечером. Удивительно аккуратный, чистенький городок. В отель оказалось очень трудно устроиться. Василевский пошел в наше представительство, а мы с Арутюновым довольно долго сидели с вещами в вестибюле одного из отелей. Входили и выходили наши военные и финские офицеры. Странно было видеть, как они, недавно лютые враги, отдавали друг другу честь. В отель съезжалась финская знать, много золотой молодежи в смокингах и бальных платьях — справлялась свадьба детей каких-то высокопоставленных родителей. Так близко и непосредственно буржуазное общество я еще не видел. Наконец пришел Василевский и нам всем дали по прекрасному отдельному номеру.

28 октября

Рано утром мы выехали на пристань и погрузились на пароход «Веламо», отплывающий в Стокгольм. Когда мы поднялись на палубу, нас попытался с берега сфотографировать какой-то тип, мы сразу отвернулись, а Василевский спокойно заметил: «Это финский разведчик...»

Так впервые я совершенно конкретно почувствовал, какое постоянное напряжение и какая бдительность необходимы при выполнении заданий, подобных нашему. Пароход отплыл. Постепенно уменьшался и наконец скрылся за зеленым выступом город Хельсинки. Я любовался финскими берегами, особенно понравились шхеры, маленькие гранитные, поросшие сосной островки. Промелькнул советский пограничный катер, Василевский помахал шляпой. Но с катера не ответили, хотя явно его заметили. Под вечер подплыли к полуострову Ханко. Здесь скопилось много пароходов, которые проходили через узкий пролив. Все вокруг давало чувствовать, что я попал в другой, доселе неведомый мир. Обильная разнообразная еда в ресторане, какой я никогда не едал — креветки, сладкая цветная капуста, засахаренные огурцы и тому подобное, — эта еда не произвела тогда на меня впечатления, так как после голодных лет все это представлялось трудновоспринимаемым излишеством. Богато одетая публика, оставлявшая дорожные вещи где попало, не боясь, что их могут украсть. На палубе завязалась беседа с одним пожилым финном, говорившим по-русски. Беседа происходила в весьма мирных тонах, но касалась войны и мира. Мы спокойно реагировали на его суждения о том, что «в 1939 году вы напали на нас, а в 1941 году — мы на вас», или «после 1917 года у вас все скоро нормализовалось». Все это звучало не так, как это было принято безапелляционно трактовать у нас. Наконец стемнело, и мы отправились спать в свою трехместную каюту.

29 октября

Солнечным утром мы подплыли к Стокгольму. Берега были веселее, чем финские: многочисленные виллы, построенные на прибрежных скалах, наконец, стокгольмский порт, поразивший изумительным порядком и чистотой. После таможенной процедуры — прямо в советское посольство, на посольской машине, а затем в отель. Прогулка по Стокгольму и обед в шикарном ресторане. За соседним столиком сидели военные, в одном из них Василевский узнал представителя службы американской военной разведки. Это еще одно напоминание, что мы не на увеселительной прогулке. Хорошо одетая публика, магазины, полные товаров, в изобилии всякое продовольствие, включая сладости и фрукты. Не можешь отделаться от мысли, что все это за счет наших страданий, ведь если бы не наше сопротивление фашизму и наша победа — не быть бы Швеции нейтральной, не сохранить бы ей свои материальные и людские ресурсы...

30 октября

Вечером сели на поезд, следующий через Мальмо в Копенгаген. Мне досталось купе с каким-то шведом. Он занимал верхнюю полку, а я нижнюю. В коридоре вагона нас приняли за чехословаков, но когда человек, спросивший у меня, не чехословаки ли мы, получил отрицательный ответ, он резко повернулся ко мне спиной.

31 октября

Утром приехали в Мальмо, поезд въехал на феррибот (паром, перевозящий поезд) и через пролив Зунд мы поплыли в Копенгаген, который встретил нас туманом. Через паспортный контроль мы прошли за группой евреев-эмигрантов. Узнав, что мы из Советского Союза, таможенники приветливо заулыбались и быстро пропустили нас в город. Мы взяли такси и поехали в посольство.

Советское посольство помещалось тогда на Остералле, там, где сейчас, в 1971 году, помещается наше торгпредство. Оно занимало сравнительно небольшой особняк, в первом этаже размещались официальные апартаменты, посол с семьей жил на втором этаже, там же жили шифровальщики и некоторые другие сотрудники. Нас разместили тут же в здании посольства, на самом верху, в мансарде. Посол (Плахин) и его жена приняли нас очей радужно. Сперва я не очень ясно представлял себе общественное положение посла и в ответ на радушие также держал себя весьма просто. Но Василевский сделал мне внушение, заметив, что посол — это олицетворение всей государственной власти для советских граждан за рубежом. Однако я так и не смог перестроиться и постоянно возвращался к простым взаимоотношениям, так сказать, на равной ноге, что шокировало Василевского, но не вызывало какой-либо отрицательной реакции со стороны Плахина и его жены. Все называли меня «профессор» и относились с достаточным почтением к этому званию, хотя я еще не привык к такому обращению — ведь я только лишь защитил докторскую диссертацию, но еще не был утвержден в степени доктора ВАКом, а профессорское звание присуждалось особо, лишь после присвоения степени доктора.

Следующие два дня — первое и второе ноября — были посвящены подготовке встречи с Бором. Я никуда из посольства не выходил и в спешном порядке изучал составленный в Москве вопросник, разбирал записи, сделанные во время лекции, прочитанной мне Курчатовым, Харитоновым, Кикоиным и Арцимовичем. Эти записи мне было разрешено взять с собой, они, так же, как и вопросник и другие сверхсекретные документы, прибыли с нами в дипломатическом портфеле, который все время находился в руках у Василевского или кого-либо из нас. Василевский в эти дни где-то бывал, для выяснения, как он говорил, самой процедуры встречи с Бором. Он установил контакт с каким-то левым датским деятелем, который был связан с Бором. Готовясь к встрече с Бором, я представлял ее как непри- нужденную беседу по вопросам, интересующим наших ученых, как беседу ученых.

Василевский же потребовал выучить наизусть весь вопросник и задавать вопросы как попугай, не проявляя инициативы.

Выучить вопросы по-английски должен был и переводчик Арутюнов. Нам надлежало запоминать все ответы в точности. Я настаивал на своем понимании моей миссии, Василевский же требовал зубрежки, сославшись на Берию, и наконец напомнил, что он в праве мне приказывать. Пришлось зубрить, но я, конечно, надеялся на Арутюнова, который раньше уже выполнял подобные миссии и был, по-видимому, натренирован в этом плане.

3 ноября

Конец недели. Посол пригласил на прогулку по стране, поехали на его машине в Гельсингор — это самое узкое место пролива Зунд, отделяющего датский остров Зееланд от Швеции. На другой стороне пролива хорошо виден шведский город Гельсинборг. Проехали мимо замка Гамлета, говорят, что это лишь легенда, будто здесь жил шекспировский Гамлет.

4 ноября

Опять прогулка на машине по Дании. На этот раз мы посетили Роскильд. В Роскильдском храме помещается усыпальница датских королей. Среди старых гробов стоял и новый гроб умершей на днях датской принцессы. Это в связи с ее смертью по всей Дании были вывешены национальные флаги. В храме имелась интересная колонна, на которой отмечали свой рост коронованные особы всех стран, посетившие Роскильд. Самая высокая отметка, намного превышающая все остальные, принадлежала Петру I. В Копенгаген возвращались опять через Гельсингор.

5 и 6 ноября

Были заняты подготовкой встречи с Бором и прогулками по городу, включая посещение дворцовой площади. Смена караула на дворцовой площади, которую наблюдала масса датчан, произвела непередаваемое впечатление: что-то средневековое, как какой-то сон, вдруг ставший явью. За годы советской власти, при которой выросло наше поколение, мы настолько отвыкли от царей, королей и тому подобного, что здравствующий король представлялся невероятным анахронизмом. «Не может быть!» — так и хотелось воскликнуть.

Ходили вместе с работниками посольства в кино, и, наконец, мне было разрешено одному ходить по Копенгагену, и можно было кое-что истратить на покупки, но в Дании тогда трудно было что-либо приобрести, распределение товаров было строго лимитировано, а нарушение системы лимитированного распределения датчанами не мыслилось — совсем не так, как у нас.

Встреча с Бором откладывалась. Почему-то с ним не мог встретиться тот, кто обещал содействие. Посольство готовилось к приему по случаю годовщины Октябрьской революции, рассылались приглашения, в том числе было послано приглашение и Бору. Вечером 6 ноября слушали по радио Москву. В речи на торжественном заседании Молотов сказал, что секрет атомной бомбы нам известен¹⁸. Работники посольства засыпали меня вопросами, но что я им мог ответить? Кроме общих соображений физика я ничего не был вправе говорить.

7 ноября

День дипломатического приема. С утра мы все втроем пошли в цветочный магазин и заказали букет гвоздик для жены посла, в который были вложены наши визитные карточки. Вечером начался прием. Это был первый в моей жизни дипломатический прием. К воротам посольства подъезжали на машинах гости, все входили в парадную дверь и сообщали свои имена распорядителю, который громко оповещал: «Господин такой-то!.. Мадам такая-то!..», затем по очереди здоровались с послом и его женой, которые весь вечер стояли у входа и встречали

гостей. Жене посла это было нелегко, так как она была на шестом или седьмом месяце беременности, а Василевский с возмущением знающего этикет дипломата, заметил, что вообще в таком положении жене посла не следовало бы показываться гостям.

Дальше была просто толчея: угощение икрой, водкой, всевозможными закусками, которые надо было есть стоя. Случайно образовались группки беседующих. Наш советский корреспондент опоил водкой американского военного атташе, тот начал обниматься с корреспондентом и, наконец, не в силах удержаться на ногах, опустился на колени. Военные англичане посматривали на этого американца с высокомерным презрением. Вообще, многие пошатывались от русской водки, но до состояния американца никто не напился.

И вдруг я увидел Нильса Бора.

Я его сразу узнал, ведь я его перед войной дважды видел в Москве, когда он приезжал читать популярные лекции¹⁹. Первый раз он в Большой физической аудитории МГУ рассказывал о своем споре с Эйнштейном, Бор показал тогда, что эйнштейновский пример нарушения соотношения Гейзенберга содержит ошибочное утверждение, которое Бор разъяснял, опираясь на общую теорию относительности Эйнштейна. Второй раз он прочитал популярную лекцию о строении атомного ядра в помещении Института философии Академии наук СССР на Волхонке, диапозитивы, иллюстрирующие модель ядра — тарелочку с шариками — демонстрировал его сын Оге Бор. Если бы я владел разговорным английским языком, я, конечно, тут же представился бы Бору, но все нужные английские слова выскочили из головы. Поблизости не было ни Василевского, ни Арутюнова, попросить же кого-либо быть переводчиком я не решился, так как эта встреча не была предусмотрена и разговор не был запланирован. Как жаль! Ведь это был бы, наверное, интересный разговор. Бор стоял на одном месте, слегка склонив голову. Его мало кто знал, только несколько датчан поздоровались с ним. Стояв так минут двадцать, как это, по-видимому, требовалось, чтобы не показаться невежливым, Бор незаметно вышел, и я тогда так и не представился ему.

8—10 ноября

Опять ожидание встречи с Бором. Прогулка по городу с работниками посольства и самостоятельно. Погода сырая, но довольно тепло, достаточно легкого демисезонного пальто, совсем не так как у нас. Один из работников посольства показал мне подшивку материалов о Нильсе Боре. Оказывается, во время немецкой оккупации он сперва продолжал работу в своем институте. По заданию английской разведки он анализировал поступавшую к нему информацию о секретных немецких работах над проектом урановой бомбы с целью выяснения приближения немцев к практической реализации проекта. Однако, когда выяснилось, что немцы стали подозревать Бора в связях с англичанами, ему было предложено бежать в Англию. Побег был организован английской разведкой и датским сопротивлением. Сперва Бор с женой переправился на рыбацком судне через пролив Зунд в Швецию, а затем в бомбовом отсеке военного британского самолета был перевезен в Лондон, оттуда в США²⁰. В США Бор работал в Лос-Аламосе, где были собраны крупнейшие европейские и американские физики для разработки и создания атомной бомбы. Сейчас, много лет спустя, эпопея побега Нильса Бора из Дании обычно излагается без упоминания связи Бора с «Intelligent Service», но тогда об этом говорилось без особого стеснения, даже в официальных сообщениях. Во всяком случае, те материалы, которые мне были показаны, содержали как ссылки на официальные источники, так и неофициальные достоверные подтверждения. Хотя я сам оказался связанным с разведывательной работой, но для меня было потрясением услышать, что знаменитый Бор мог быть назван агентом «Intelligent Service». Для нас, советских людей, помощь советским органам разведки представлялась естественным выполнением долга перед Родиной, почетной обязанностью, хотя для многих и весьма неприятной. Но «Intelligent

Service» — всегда, даже когда англичане были нашими союзниками, представлялась организацией, стоящей на страже интересов буржуазии, то есть наших классовых врагов.

11 ноября

Посол пригласил нас прокатиться по Дании до города Орхус. Это была интересная автомобильная экскурсия. До Орхуса мы не доехали, но пересекли весь остров Зееланд до города Корсера, затем на ферриботе через Большой Бельт переправились на остров Фюн в город Ньюборг, от Ньюборга через весь остров Фюн и по мосту через пролив Малый Бельт попали на полуостров Ютландию. Здесь мы доехали лишь до города Фредерике и повернули обратно, убедившись, что нам не хватит времени, чтобы доехать обратно до Орхуса и вернуться в Копенгаген не слишком поздно. Дания — почти лишенная леса страна, в которой сельское население рассредоточено по маленьким фермам, настолько отстоящим одна от другой, что они не образуют поселений. Сельское население одето почти так же прилично, как и городское. В то время это было для меня непривычно, так как у нас тогда одежда деревенских жителей заметно отличалась от одежды горожан.

13 ноября

Наконец Василевскому сообщили, что Бор готов со мной встретиться. Срочно было отпечатано от моего имени письмо Бору с просьбой меня принять и отправлено с курьером в институт Бора на Блегдамсвей, расположенный недалеко от советского посольства. Ответ пришел немедленно: минут через тридцать в посольство прибежал мальчик, видимо, какой-то лаборант или подмастерье, и принес подписанное Нильсом Бором письмо на мое имя с приглашением посетить институт завтра утром²¹. Василевский сообщил, что Бор, якобы, обещал во время моего посещения его института найти время и место для конфиденциальной беседы со мной. Итак, завтра я обязан задать Бору все подготовленные мне на Лубянке вопросы.

14 ноября

На встречу с Бором мы выехали вдвоем на посольской машине, хотя до института можно было дойти пешком за семь минут. Роль шофера играл Василевский. Поскольку через минуту мы уже подъехали к институту, постольку пришлось еще покружить по Блегдамсвей и близлежащим улицам, так как неприлично было подъезжать раньше назначенного часа.

Я и Арутюнов находились в большом нервном напряжении. Мы отвлекли себя разглядыванием большой бронзовой скульптурной группы на углу Блегдамсвей и Тагенсвей. До сих пор не знаю, что изображает этот монумент, но он навсегда запомнился. Наконец в точно назначенный час мы остановились у подъезда института Бора. Василевский остался в машине и осуществлял, так сказать, внешнее наблюдение за операцией. Мы с Арутюновым вошли в институт и попросили секретаря доложить о нас Нильсу Бору. Наконец секретарь провела нас в кабинет Бора. Он встретил меня довольно сдержанно, поздоровался и познакомил со своим сыном Оге Бором, который, как потом мы узнали, изучал русский язык и немного понимал по-русски. Бору, видимо, не очень понравилось присутствие Арутюнова, но Арутюнов блестяще, с большим тактом, выполнял роль переводчика и первоначальное замешательство скоро прошло. Бор таким, каким я его знал и раньше, производил впечатление очень скромного человека, говорил тихим голосом, с трудным для восприятия английской речи датским акцентом. Я заметил, что руки его слегка дрожали. Арутюнов объяснил это просто старостью. Но не такой уж старик был тогда Бор: ему недавно исполнилось 60 лет.

Бор прежде всего извинился, что не владеет русским языком. «Язык Вашей великой страны, — сказал он, — должны знать теперь все ученые. Мне уже поздно изучать русский, но мой сын, — и он показал на Оге, — может его изучить».

Меня очень обрадовало такое начало беседы, и в то же время я был крайне смущен, что не владею английским — международным языком, на котором мы объяснялись*, о чем я высказал Бору сожаление (это было в точности переведено Арутюновым).

Затем мы передали Бору письмо и подарки Капицы. Прочитав письмо, Бор стал расспрашивать о семье Петра Леонидовича и о положении Ландау. Когда я сказал, что Ландау успешно работает в лаборатории Капицы, и тем самым рассеял подозрения о преследованиях Ландау в СССР, оставшиеся, очевидно, со времен годичного тюремного заключения Ландау в 1938 году**, Бор оживился и начал расхваливать Ландау как наиболее талантливого молодого теоретика, который работал у него. К восхвалению Ландау Бор возвращался и позже, всякий раз, когда это было кстати. Создавалось даже впечатление, что основным из того, что он хотел сообщить советским ученым, было именно его мнение о достоинствах Ландау. Замечу, что в дальнейшем, много лет спустя, Бор всячески стремился выдвинуть Ландау. Хотя объективно Ландау как физик-теоретик никак не мог быть поставлен в один ряд с такими теоретиками, как Эйнштейн, Гейзенберг, Шредингер, де Бройль, Дирак, Ферми, Бор, Паули, и даже с менее крупными: Оппенгеймером, Иорданом, Бете, Гамовым и другими, однако Нильс Бор всюду рекомендовал и проталкивал Ландау. Только Бор своим авторитетом смог сделать Ландау лауреатом Нобелевской премии в 1962 году, когда к Ландау было привлечено всеобщее внимание после злосчастной автомобильной катастрофы, лишившей его интеллектуального потенциала. Связанные с этим напряженные усилия, видимо, окончательно подорвали здоровье Бора. Он умер вскоре после того, как добился присуждения Ландау Нобелевской премии. И все это ради идеи поставить Ландау или его учеников во главе советской физики²².

Но была еще одна идея, которую Бор внушал мне и через меня хотел передать советским ученым. Эту идею он развил после того, как мы подарили ему большой альбом из жизни Советской России. Перелистывая этот альбом, он, видимо из вежливости по отношению к нам, задержался на огромных портретах Сталина и Молотова, занимавших каждый по странице альбома, смотря на эти портреты совершенно бесстрастно и ровно столько, сколько было необходимо, чтобы не оскорбить возможных наших патриотических чувств, и вскоре после этого начал мне разъяснять, что мы, ученые, не занимаемся политикой, наш удел — стоять в стороне от нее, но мы ответственны за судьбу человечества, что бы ни делали стоящие у власти политики. Перейдя далее к злободневному вопросу об атомной бомбе, Бор сказал, что, по его мнению, атомную бомбу должны иметь все страны, и в первую очередь — Россия. Только распространение этого могучего оружия в разных странах может гарантировать его неприменение в будущем. К счастью, продолжал Бор, секрета атомной бомбы уже не существует, так как все квалифицированные физики понимают сущность процессов в атомной бомбе, а то, что американцам удалось ее осуществить и применить, намного сокращает поиски для всех, кто занимался этой проблемой.

Итак, дать атомную бомбу большему числу стран — в этом гарантия мира в будущем: такова основная идея Нильса Бора.

Затем Бор предложил мне осмотреть его институт. Он повел меня и Арутюнова по коридорам, соединяющим его кабинет с лабораториями. При этом каж-

* Не только я, но и подавляющее большинство оканчивающих советские вузы, хотя и изучали иностранные языки, но совершенно не владели разговорным английским или немецким. Но в дальнейшем, года через три, после изучения английского в специальной школе, я прилично овладел этим языком, разрушив сложившееся у меня представление о полной неспособности к усвоению иностранных языков.

** Л. Ландау и Ю. Румер были арестованы и осуждены на десять лет каждый в 1938 году за распространение антисоветских листовок. Ландау просидел в заключении всего год, за него хлопотал перед Молотовым Капица. После санкции Сталина Ландау был выпущен на поруки Капице как необходимый Институту физических проблем совершенно незаменимый физик-теоретик.

дый раз настойчиво пропускал меня во все двери первым, чем каждый раз вызывал мое смущение. Лаборатории поразили насыщенностью современной аппаратурой, размещенной в сравнительно маленьком помещении: здесь были и циклотрон, и ускоритель Ван дер Графа, и масс-спектрометр, и обычный оптический спектрометр огромной разрешающей силы. Были показаны также экспериментальные мастерские и продемонстрированы некоторые экспериментальные данные, в частности, фотоснимки треков осколков урана, образующихся в процессе ядерного деления.

Наконец мы вернулись в кабинет Бора и опять оказались вчетвером. Оге Бор никуда не уходил, и ни о каком уединении с Нильсом Бором не было и намека. Наш визит явно кончался. А как же задание? Ведь для этого и была предпринята вся эта поездка в Копенгаген. И я решил задать Бору вопросы по вопроснику в присутствии Оге Бора. Вопросы эти я представил как, якобы, интересующие Капицу, и что он просил меня их задать²³. Бор спокойно отвечал на них, но ответы были очень общие: каждый раз он ссылался на то, что в Лос-Аламосе он не был ознакомлен с деталями проекта, а в лабораториях восточной части США — вообще не бывал. Видимо, он понял, что Арутюнов знает эти вопросы назубок, и часто стал обращаться к нему как к собеседнику, а не как к простому переводчику. Но вскоре беседу пришлось прервать, так как у Бора было назначено на этот час какое-то совещание. Бор предложил нам встретиться с ним еще раз в пятницу, 16 ноября.

Впоследствии, в Москве, Судоплатов назвал эту встречу «допросом», который мы устроили Бору. Но как же еще можно было выполнить неукоснительный наказ: обязательно задать вопросы по вопроснику? А я уже знал, что бывает за невыполнение предписаний Берии. Василевский еще в поезде рассказал, как одного генерала, который попытался проявить свою инициативу и в чем-то не согласился с Берией, последний спросил: «Ты что, нэ хочешь с нами работать? Может быть, ты хочешь торговать овощами?..» — и тут же позвонил Микояну, тогда наркому пищевой промышленности: «Анастас Иванович, нэт ли у тебя свободного мэста завэдующего овощной базой? Я хочу послать к тебе одного своего работника».

Получив удовлетворительный ответ, Берия отчислил неугодного генерала и передал его в наркомпищепром, сделал его заведующим овощной базой. Причем это была самая мягкая кара за строптивость.

15 ноября

Весь день мы с Арутюновым по памяти восстанавливаем ответы Бора. Это оказалось не так просто, так как Арутюнов, несмотря на феноменально натренированную память, не был в состоянии запомнить все дословно, не понимая существа, а я не все понял из перевода Арутюнова и вынужден был вспоминать, как звучали ответы Бора по-английски — все же пассивно я английский язык кое-как знал, как и все, окончившие физфак МГУ.

16 ноября

Вторая беседа состоялась в назначенное время. Опять нас повез Василевский на машине и отвез обратно в посольство. Как и в предыдущий раз, по его наблюдениям, за нами следили, по его убеждению — американские разведчики. Беседа вновь проходила в кабинете Бора в присутствии его сына. Бор ответил мне на все оставшиеся вопросы, еще раз пояснив, что он не знает деталей, и при этом вновь подчеркнул, что квалифицированные физики, такие, как Капица или Ландау, в состоянии решить проблему, если им уже известно, что американская бомба взорвалась. А по поводу одного из вопросов Бор деликатно дал понять, что он поставлен не очень квалифицированно. Беседа протекала теплее, чем в предыдущий раз. Оге по распоряжению отца принес и подарил нам уникальный, пока еще изданный на ротапинтере отчет Г. Д. Смита «Атомная энергия для военных целей». Этот отчет совсем недавно был рассекречен, и мы были,

пожалуй, первыми советскими людьми, увидевшими его. Правда, вскоре после того, как мы вернулись в Москву, такой же, но изданный в виде книги, отчет был прислан в Отдел С из США. Этот отчет был в максимально короткие сроки переведен сотрудниками отдела под руководством Кольченко и издан в начале 1946 года (Г. Н. Кольченко был зашифрован как Г. Н. Иванов, а издательством оказался «Трансжелдориздат»). Когда мы освободились от обязанности допрашивать Бора по вопроснику, беседа пошла гораздо интереснее. Бор очень интересовался нашей наукой. Он высказал пожелание принять в свой институт наших молодых физиков для стажировки, ему достаточно рекомендации Капицы или моей, поскольку он и меня теперь тоже знает. И двери института для молодого физика будут открыты. К сожалению, этим предложением мы воспользовались нескоро, так как никак не могли подобрать кандидатуру, подходящую по всем линиям. Нам было передано письмо Бора Капице и личные приветы ему и его семье. Бор передал нам также массу отписок, от себя и от сотрудников института, часть отписок предназначалась лично Капице, а другая — мне и моим коллегам.

И наконец прощание, имевшее очень сердечный характер: сперва попрощались в кабинете, потом еще раз у выхода из института, куда Бор нас проводил.

Василевский еще позавчера послал в Москву шифровку об успешном начале операции, сегодня же была послана другая шифровка, о завершении операции, и скоро нам пришлось распоряжение немедленно возвращаться в Москву.

17 ноября

С утра мы с Арутюновым закончили восстановление ответов Бора и всего имевшего место диалога. Вечером сели на пароход и отправились в Мальмо, а оттуда поездом в Стокгольм. Во время посадки на поезд было заметно, что за нами довольно нагло следили какие-то типы. Дипломатический портфель представлял теперь особую конфиденциальность, и мы хранили его как зеницу ока, Василевский не выпускал его из рук, а во время сна — из-под подушки. На границе же портфель не осматривался, так как мы были с дипломатическими паспортами и нам было дано *laisser-passer*, то есть предписание таможенникам не просматривать багаж.

18 ноября

В Стокгольм мы прибыли рано утром и сейчас же направились в наше посольство, надеясь, что там предоставят какое-нибудь помещение до отправки в Москву. Однако в посольстве ввиду переполнения служебных помещений нам рекомендовали остановиться в отеле. Василевский дошел до посла и даже крупно с ним поговорил. В конце концов нас поместили наверху, в общежитии дипкурьеров. Там было не слишком чисто по шведским меркам, и Василевский с возмущением по этому поводу говорил, что в посольстве «потрясающая грязь». На наше счастье оказалось, что через день в Москву из Стокгольма улетает наш самолет, прилетающий в Норвегию и Швецию с каким-то заданием, — регулярных рейсов тогда еще не было. Нас согласились взять, и мы, не заботясь больше о транспорте, смогли потратить почти два дня на ознакомление со Стокгольмом.

19 ноября

Большая часть дня была занята покупками. Денег каждому было дано довольно много, и я впервые узнал, что означают заграничные поездки для личного обогащения. Хотя все это было весьма кстати после крайнего обнищания военных лет, однако вызывало у меня неприятный осадок — это представлялось мне мало совместимым с коммунистическими идеалами, в духе которых наше поколение было воспитано. Но меня уже в какой-то мере «перевоспитали» в духе дозволенности многого, недозволенного обычным смертным. Это был дух органов НКВД того времени.

20 ноября

Во второй половине дня мы приехали на аэродром и погрузились в советский транспортный самолет. Предстоял первый в моей жизни полет. Самолет оказался военным, приспособленным к десантным операциям, со скамейками по бортам и натянутым по потолку тросом, к которому пристегивались карабины строп, идущих от парашютов для их раскрытия после выбрасывания. На одном сиденье была вырезана дата и большими буквами «ТИТО». Оказывается, этот самолет совсем недавно перевозил Иосипа Броз Тито из Югославии в Москву. Экипаж самолета состоял из военных летчиков, летавших на этом самолете всю войну. Вскоре наступила ночь, и я впервые любовался морем облаков, освещенных полной луной. В Москву была послана радиограмма о часе нашего прилета, и вот мы приземлились во Внукове. К самолету подошли вооруженные пограничники, ко входу приставили трап и в самолет вошел, держа руку на кобуре пистолета, небольшого роста офицер. Оглядев острым взглядом салон самолета, присутствовавших в нем пассажиров и экипаж, он забрал наши паспорта и ушел, не разрешив выходить из самолета. Вскоре паспорта были возвращены, и мы выгрузились в помещении аэровокзала. Но нас, вопреки ожиданиям, никто не встречал. Связавшись по телефону, Василевский выяснил, что машины за нами давно отправлены. Только через час приехали три машины, в одной из которых находился сам Судоплатов. Оказывается, в этот вечер был сильный гололед, и две посланные за нами машины попали в аварию, пришлось вызывать другие. Василевский сел в машину Судоплатова, предполагая, что мы сразу поедем на Лубянку, однако при въезде в Москву Судоплатов остановил мою машину и сказал, что лучше будет, если я сейчас поеду домой, а завтра с утра ему все доложу.

21 ноября

С утра мы втроем собрались в НКВД и отработали окончательный текст доклада о встрече с Нильсом Бором для представления его Л. П. Берии. Василевский строго предупредил, что докладывать Берии я должен все то, что было нами согласовано, в частности, обязательно сказать, какого высокого мнения Бор о Ландау*. На приеме у Берии кроме нас троих был Судоплатов и, кажется, Сазыкин. Я и Арутюнов доложили все, как было нами согласовано при составлении доклада. Берия держался довольно развязно, прерывал нас репликами, содержащими матерную брань и в адрес Бора, и в адрес американцев. Когда мы дошли до того вопроса, который Бор посчитал неквалифицированно поставленным, Берия, махнув рукой, сказал: «Ну, это опять Курчатов напутал!»

Правда, после Курчатов клялся, что это не он не так сформулировал, а мы неправильно задали вопрос Бору. Под конец Берия положительно отозвался о Боре, сказав, что «старика американцы использовали, а потом прогнали, но нам надо его поддержать».

Так закончилась эта вторая и последняя моя встреча с Берией.

* * *

В течение трех дней мне не рекомендовалось показываться кому-либо из университетских коллег и запрещено было говорить о встрече с Бором. Лишь 24 ноября я смог прийти в университет, а 26 ноября был послан к Капице с письмом от Бора и кипой присланных ему оттисков. Капица тут же пригласил Ландау и других сотрудников, зачитал им письмо Бора и передал оттиски.

На этом и закончилась эта удивительная операция, истинный смысл которой

* Не исключено, что выборы Ландау в 1946 году сразу в академики, минуя члены-корреспонденты, после многочисленных провалов на предыдущих выборах в значительной мере были обусловлены тем, что высокое мнение Бора о Ландау, о котором сообщалось в нашем докладе, было доведено до внимания Сталина. Ведь наш доклад был ему представлен. Пожалуй, с этого и начался культ Ландау в современной советской физике, достигший чудовищных масштабов в середине шестидесятых годов²⁵.

так и остался для меня не вполне понятным. Проще всего думать, что эпопея, которую можно назвать «Операция "ДОПРОС НИЛЬСА БОРА"», понадобилась для того, чтобы Курчатов и его окружение не смогли больше сослаться на то, что разведка скрывает от них свои материалы и работает недостаточно активно: ведь Курчатову и его ближайшим коллегам предоставили возможность задать любые вопросы самому Бору!²⁶

То, что Бор фактически не сообщил нам ничего существенно нового, стало мне ясно после прочтения книги Смита и изучения фотокопий, содержащихся в сейфах Отдела С. Более того, будучи вскоре допущен на научные семинары Курчатова, я скоро убедился в том, что в Лаборатории № 2, руководимой Курчатовым, уже давно повторили основные эксперименты, описанные в американских отчетах, к фотокопиям которых Курчатов имел доступ. Были рассчитаны заново также основные теоретические выводы, содержащиеся в этих материалах. При этом теоретики поразились невероятной интуиции Курчатова, который, не будучи теоретиком, точно «предсказывал» им окончательный результат²⁷. Восхищение этой сверхинтуицией Курчатова отражено в книге о Курчатове Игоря Николаевича Головина, впервые изданной в 1967 году. Таким образом, все то, что мы привезли от Бора, включая, пожалуй, книгу Смита, которую вскоре достали в США и помимо Бора, давно было известно Курчатову и его ближайшим коллегам из исчерпывающе полных американских отчетов, сфотографированных и переданных нам нашими искренними друзьями антифашистами.

Этот дневник вряд ли вызовет восторг у тех, кто вслед за Игорем Николаевичем Головиным создали наивный миф о сверхгениальном физике, якобы определившем все основные направления атомной проблемы и обеспечившем их разработку в СССР, физике, который, якобы, один соединил в своем лице гений Ферми, таланты Бете, Сциларда, Вигнера, Оппенгеймера и многих других крупнейших физиков Европы и Америки, общими усилиями решивших атомную проблему в США. Такое изображение Игоря Васильевича Курчатова умаляет его истинные заслуги как действительно крупного ученого, проявившего феноменальные организаторские способности и сумевшего в нашей стране, обладавшей гораздо меньшим научно-техническим потенциалом, чем США, истощенной тяжелой войной, организовать научные исследования, мобилизовать научно-технические кадры и, используя преимущества нашей социалистической системы, решить задачу создания атомного оружия в необычайно короткие сроки. Надо ли еще приписывать ему неправдоподобную гениальность в чисто научном плане, чтобы оправдать возвеличивание его имени? Если же это делается для маскировки основного источника информации Курчатова, то это по меньшей мере наивно. Миф о сверхгениальности Курчатова несомненно выгоден тем, кто, зачисляя себя в его ученики или последователи, переносит на себя сияние его научной славы. Он выгоден и тем иностранным кругам, которые, стремясь поставить у руководства советской наукой угодных им людей, искусственно создают им научный авторитет.

Продиктовано на основании имеющихся записей 27 июля 1990 г.

Комментарии

- 1 Советский атомный проект стартовал в феврале 1943 г. Первоначально работы велись в здании эвакуированного Сейсмологического института в Пыжевском переулке, а через год были перенесены в специально подготовленные помещения Лаборатории № 2, ныне Института атомной энергии им. И. В. Курчатова.
- 2 В 1954 г., по инициативе и при активной поддержке Курчатова, В. С. Фурсов был назначен деканом физического факультета МГУ и занимал этот пост более 30 лет.
- 3 К августу 1945 г. Курчатовым и его сотрудниками были сделаны теоретические расчеты реактора и проведены опыты по измерению параметров размножения нейтронов с небольшими количествами урана и графита. Промышленное производство этих веществ еще не было налажено, а до пуска первого реактора оставалось почти полтора года (см.: *Жежерун И. Ф.* Строительство и пуск первого в Советском Союзе атомного реактора. М., 1978). Масштабы

работ до реорганизации в конце августа 1945 г. были ограничены по сути одним небольшим институтом, значительная часть сотрудников которого, как и сам Курчатов, были ранее связаны с Ленинградским физико-техническим институтом, руководимым А. Ф. Иоффе. Физики Московского университета довольно часто выражали неудовольствие по поводу с их точки зрения чрезмерного и незаслуженного влияния Иоффе и его учеников.

- 4 Постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 августа 1945 г. был образован Особый Комитет при ГКО (позже — при Совете Министров СССР) «для руководства всеми работами по использованию внутриатомной энергии», под председательством члена Политбюро и (до марта 1946 г.) наркома внутренних дел Л. П. Берии. (См. состав Комитета: «Известия ЦК КПСС». 1991. № 1. С. 145.) С этого времени атомный проект стал делом первостепенной государственной важности и приобрел огромные масштабы.
- 5 Судоплатов Павел Анатольевич (род. 1907), генерал-лейтенант, с 1942 г. — заместитель директора службы внешней разведки НКВД, в 1945—1946 гг. — начальник отдела С; в 1953—1968 гг. — в заключении. Отдельные сведения о нем см.: *Безыменский Л.* Гейне по имени Макс // Новое Время. 1993. № 10. С. 41; *Хенкин К.* Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 29; *Корнилов Ю., Новиков П.* Генерал для особых поручений // Совершенно секретно. 1992. № 7.; *Эндрю К., Гордиевский Л.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 323; *Pavel A. Sudoplatov and Anatoli P. Sudoplatov; Jerrold Schecter and Leona Schecter.* Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness. N. Y., 1994.
- 6 Ф. А. Королев — в 40-е годы один из наиболее активных и агрессивных представителей университетской физики в борьбе с так называемыми «физиками-монополистами» из Академии наук СССР. Впоследствии — профессор физфака МГУ, лауреат Сталинской премии (1957) за работы по направленному взрыву.
- 7 Василевский Лев Петрович (род. в 1903 г.) — служил во внешней разведке НКВД, в 1937 г. был в Испании, в 1943 г. — в Мехико, выйдя в 1954 г. в отставку, занимался журналистикой, опубликовал книги: «Дни и ночи Мадрида» (М., 1974), «Чекистские были» (М., 1978). Некоторые сведения о нем см.: *Хенкин К.* Ук. соч., прим. 5. С.119, 197, 297; *Кассис В., Колосов Л.* 13 новелл о советских разведчиках. Кн. 3. М., 1992. С. 75—102.
- 8 М. А. Леонтович, по словам самого Терлецкого, отверг приглашение стать официальным оппонентом диссертации из-за наличия в ней философской части, а еще за год до того пытался разубедить Терлецкого в его приверженности диамату (интервью А. Б. Кожевникова с Я. П. Терлецким, 1992). К тому времени Терлецкий уже был вовлечен в конфликт на физфаке МГУ, приняв участие в конце 1944 г. в партийной комиссии по книге С. Э. Хайкина «Механика». Хайкин был обвинен в махистских ошибках и исключен парткомом МГУ из кандидатов в члены ВКП(б). Конфликт этот разбирался в ЦК ВКП(б) (см.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 363, с. 64—93). В 1949 г., в жалобе на имя Г. М. Маленкова, Ф. А. Королев называет академиков Ландсберга, Ландау и Фока в числе тех, кто в Экспертной комиссии ВАКа пытался воспрепятствовать утверждению диссертации Терлецкого (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 211, с. 99). Имеется также как бы положительный, но с очень двусмысленными оговорками, отзыв С. И. Вавилова на диссертацию (Архив РАН, ф. 596, оп. 1, д. 291).
- 9 Б. Л. Ванников, нарком боеприпасов, был заместителем Берии по Особому Комитету (см. прим. 4), председателем существовавшего при нем Научно-Технического Совета и начальником Первого Главного Управления при ГКО (позже при СМ СССР, позже — Министерство среднего машиностроения) для руководства научными и инженерными работами и промышленными предприятиями по атомной проблеме.
- 10 Описанная сцена мало похожа на достоверную. Что касается доступности разведматериалов, то, судя по документам, опубликованным в ВИЕТ, 1992, № 3, Курчатов (но практически только он один из ученых) был знаком с большим их числом еще и до создания отдела С.
- 11 Бор вернулся в Данию 25 августа 1945 г. Еще в 1944 г. он встречался по очереди с Черчиллем и Рузвельтом и безуспешно пытался убедить их в том, что не стоит надеяться сохранить секрет атомной бомбы, а следует сделать информацию открытой и одновременно договориться о системе международной безопасности и контроля. Это вызвало чрезвычайно отрицательную реакцию, особенно у Черчилля. Вскоре после Хиросимы, 11 августа 1945 г., Бор в газете «Times» впервые предал гласности свою позицию, написав: «Никакой контроль не может быть эффективным без свободного доступа к полной научной информации и создания возможности международного наблюдения за всеми действиями, которые, не будучи управляемыми, могут стать причиной катастрофы». Английский и американский лидеры встречались 18 сентября, и один из пунктов совместного меморандума гласил: «следует расследовать деятельность профессора Бора и предпринять шаги по предотвращению любой утечки информации от него, особенно к русским» (*Pais A. Niels Bohr's Times. Oxford, 1991. P. 500—504.*)
- 12 Капица и Бор, хоть и в разное время, были учениками Эрнеста Резерфорда. Они хорошо знали друг друга и переписывались, в частности еще в октябре 1943 г., вскоре после бегства

Бора из оккупированной немцами Дании, Капица, с разрешения Молотова, послал по дипломатическим каналам письмо Бору с предложением убежища в СССР. Капица тогда еще не имел прямого отношения к атомному проекту, но американские и британские политики, их секретные службы и сам Бор интерпретировали это приглашение как интерес русских к ядерной проблеме (*Капица П. Л.* Письма о науке. М., 1989. С. 206—209; *Pais A.* Op. cit, прим. 11. С. 499—500, 502; *Иойрши А. И.* О чем звонит колокол. М., 1991. С. 90—94; *Sherwin M. J.* A World Destroyed. N. Y., 1975. P. 106—107, 256).

В 1945 г. Капица стал членом Особого Комитета и Научно-Технического Совета по атомной проблеме. После возвращения в Копенгаген, Бор послал ему письмо, датированное 21 октября (*Капица П. Л.* Ук. соч. С. 237). По всей видимости, это письмо также шло по дипломатическим каналам, и, вероятно, ему предшествовали устные консультации. Тогда разумно предположить, что именно эта инициатива Бора могла послужить причиной возникновения в НКВД 20 октября плана последующей операции (см. также прим. 26).

Стоит отметить еще одно хронологическое совпадение, хотя оно и вряд ли стоит в непосредственной связи с описываемыми событиями. 3 октября и 25 ноября 1945 г. Капица написал два знаменитых письма Сталину с критикой Берии как руководителя атомного проекта, и вскоре был отстранен от работ (*Капица П. Л.* Ук. соч. С. 208—209, 232—247; *Kozhevnikov A. Piotr Kapitza and Stalin's Government // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences.* 1991. V. 22. P. 131—164).

13 Диктуя 22 октября свое письмо, Капица наверняка еще не знал о письме Бора к нему от 21 октября. Письмо Капицы с незначительными сокращениями (опущено, в частности, упоминание о Терлецком) опубликовано в: *Капица П. Л.* Ук. соч., прим. 12. С. 235—237. Оно, равно как и ответ Бора от 17 ноября, не содержит прямых указаний на истинные цели поездки Терлецкого, но выражает общую озабоченность политическими проблемами, связанными с ядерным оружием, и желательность участия международного сообщества физиков в их обсуждении. Письма и их копии хранятся в архиве Нильса Бора в Копенгагене и П. Л. Капицы в Москве.

14 Л. Д. Ландау посетил Копенгаген в 1930—1931 гг. и с тех пор считал себя учеником Бора.

Но после 1934 г. у него не было возможности поехать за границу и встретиться с учителем,

15 Курчатов ко времени назначения его руководителем работ по атомному проекту не пользовался достаточным научным авторитетом. На выборах новых действительных членов 27 сентября 1943 г. академики отдали предпочтение А. И. Алиханову. Совнарком распорядился тогда выделить Академии еще одну дополнительную вакансию физика, специально для Курчатова, и на повторных выборах 29 сентября он набрал достаточное количество голосов. (По тревоге. Рассказ уполномоченного Государственного комитета обороны С. В. Кафтанова. // *Химия и жизнь.* 1985. № 3. С. 6—10.)

Осенью 1945 г. отставание советских работ ощущалось особенно остро, и политики относились к ученым с большим недоверием, которое и отразилось в этих репликах Берии.

16 А. А. Власов заведовал кафедрой теоретической физики на физфаке МГУ. Продолжавшаяся несколько лет борьба за эту кафедру была одним из центральных конфликтов университетской и академической физики. В конце 1943 г., при активной поддержке декана А. С. Предводителя, Ученый совет физфака проголосовал в пользу Власова вместо основателя и довоенного руководителя кафедры И. Е. Тамма. Группа академиков, однако, добилась, чтобы Комитет по делам высшей школы назначил заведующим В. А. Фока, но тот не смог выдержать университетских баталий и через несколько месяцев, летом 1944 г., подал в отставку. Власов стал заведующим и пробыл им до 1953 г., с еще одним кратковременным снятием в 1947 г. после резкой критики его научных работ в статье В. Л. Гинзбурга, Л. Д. Ландау, М. А. Леонтовича и В. А. Фока (*ЖЭТФ.* 1946. Т. 16. С. 246—252). (Об отдельных эпизодах борьбы см.: Архив МГУ, ф. 201, д. 777; письмо Фока П. Л. Капице, 5 июля 1944 г.; письмо Капицы В. М. Молотову, 11 июля 1944 г.; *Горелик Г. Е.* Физика университетская и академическая. ВИЕТ. 1991. № 1. С. 31—46.)

17 Кажется, уже не вызывает возражений вывод кремленологов, первоначально сделанный на основе косвенных данных, о том, что среди приближенных Сталина шла борьба за влияние между группировками Жданова и Маленкова-Берии. О послевоенной советской политике см. например: *Hahn W.* The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946—1953. Ithaka, 1982.

18 «... в настоящее время не может быть таких технических секретов большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран. ... Будет у нас и атомная энергия, и многое другое». (Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6-го ноября 1945 г. // *Правда.* 7 ноября 1945 г. С. 2—3.)

19 В июне 1937 г. Бор во второй раз посетил СССР и прочел две лекции в Москве (см: *Френкель В. Я.* Нильс Бор и советские физики // *Нильс Бор и наука XX века.* Киев, 1988. С. 25—26).

20 Какой-то контакт с британской разведкой у Бора был, во всяком случае через этот канал и датское Сопrotивление Бору было передано в январе 1943 г. письмо от Дж. Чедвика, приглашавшего Бора приехать в Англию и присоединиться к работе над «одной специальной

- проблемой». Тогда Бор отказался, а бежал из Дании в Швецию в сентябре 1943 г. накануне планируемой немецкими оккупационными властями депортации евреев из Дании (мать Бора была еврейкой). Британские органы организовали его последующий перелет из Стокгольма в Лондон (*Pais A. Op. cit.*, прим. 11. Р. 486—489).
- 21 Обе эти записки есть в архиве Нильса Бора в Копенгагене.
- 22 Видно, сколь болезненно относится Терлецкий к популярности Ландау. К изложенной версии смерти Бора вряд ли стоит относиться серьезно. Одна конкретная неточность: Ландау не был осужден на десять лет, поскольку его дело было прекращено, и он был выпущен на поруки до вынесения приговора (Лев Ландау: Год в тюрьме. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 134—157).
- 23 Этот эпизод, вместе с письмом Капицы Бору в 1943 г., а также его исчезновением с публичной арены в результате опалы в 1946 г., могли способствовать возникновению на Западе мифа о Капице как создателе советской атомной бомбы. Фантастическое изложение этого мифа см.: *Blew A. M. Kapitza: Der Atom — Zag. München, 1954.*
- 24 Трудно сказать точно, насколько Бор был посвящен в технические детали проекта. Считается, что не очень глубоко. Он был в Лос-Аламосе несколько раз, но понемногу, способствовал общему моральному климату, участвовал в дискуссиях. По словам Оппенгеймера, его единственным конкретным вкладом была помощь в работе над инициатором (небольшой источник нейтронов, дающий старт цепной реакции). Куда больше внимания и усилий Бор уделял попыткам повлиять на политику в атомной области (*Pais A. Op. cit.*, прим. 11. Р. 496—497).
- 25 Относительно провалов на предыдущих выборах нам известно только то, что В. А. Фок и П. Л. Капица представляли Ландау к избранию в члены-корреспонденты весной 1941 г. (Архив РАН, ф. 2, оп. 1 (1941), д. 9).
- 26 Скорее всего, операция действительно была попыткой, хоть и неудавшейся, узнать о политических взглядах Бора, получить от него секретную информацию, или хотя бы проверить имеющуюся.
- Помимо письма Бора Капице (прим. 12), к идее операции НКВД могла подтолкнуть лекция Бора в Датском Инженерном Обществе 3 октября 1945 г. В ней Бор сказал, что плутоний можно получать по килограмму в день, и вынужден был затем отвечать на обвинения в прессе в том, что он разглашает секретную информацию (*Pais A. Op. cit.*, прим. 11. С. 511; *Розенталь С.* 40—50-е годы // Нильс Бор. Жизнь и творчество. М., 1967. С. 221).
- Фольклорная версия о посылке нарочного НКВД к Бору опубликована И. Н. Головиным в: Разбудившие джина // Московские Новости, 8 октября 1989 г. (Головин ссылается на устный рассказ Б. Л. Ванникова), а также кратко упомянута в: *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 386.
- 27 Вероятно, имеется в виду следующая фраза: «Не будучи сам теоретиком и не владея сложным математическим аппаратом, он вносит ясность в каждый этап работы, великолепно извлекая из теории ее физическую суть, указывает на возможные эффекты, отыскивает их взаимосвязь» (*Головин И. Н. И. В.* Курчатов. М., 1967. С. 62; см. также аналогичные описания: там же, с. 63—64).

А. В. Андреев, А. Б. Кожевников, Б. Е. Явлов